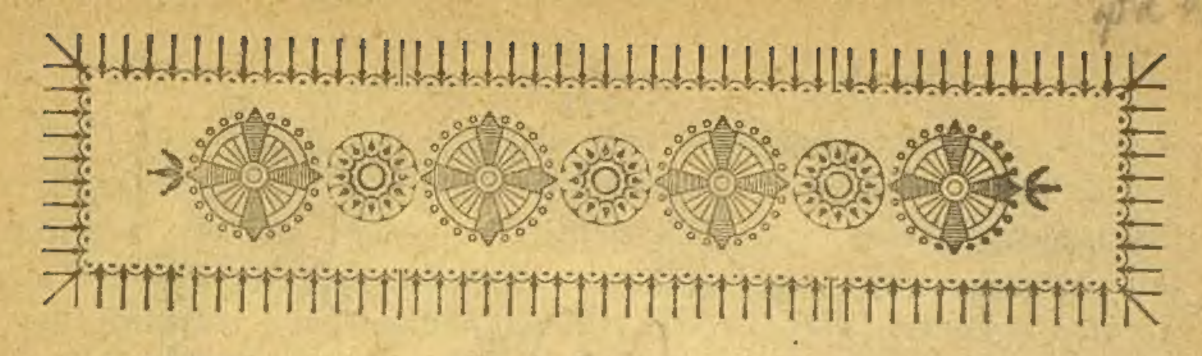

И 402/1562

2007059430

Наши практическій папизмъ и практическое протестантство.

(*Къ современнымъ церковнымъ вопросамъ*).

Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ. Ефес. 6, 12.

1.

Очевидное разслабленіе и закоснѣніе нашей христіанской, церковно-общественной жизни вызвало среди насъ горячее, сильное желаніе подъема и обновленія. Говорить ли, что это дѣлаетъ намъ честь? Нѣтъ; скажемъ только, что это желаніе, это стремленіе должно было встать среди насъ, если мы еще не вовсе отреклись отъ вѣры своей.—И такъ первый шагъ сдѣланъ: мы сознали, что дѣла у насъ обстоятъ худо, — съ этимъ, кажется, согласны всѣ безъ исключенія. Теперь должно слѣдовать дальнѣйшее—исправленіе настоящаго положенія дѣлъ.

Когда человѣкъ боленъ, онъ лечится. Но для леченья необходимо опредѣлить болѣзнь. И вотъ въ этомъ опредѣленіи случается, что внѣшній симптомъ принимаютъ за самую болѣзнь: въ этихъ условіяхъ леченіе, вмѣсто оздоро-

вленія, можетъ оказаться роковымъ для организма. Или скажемъ иначе: представимъ себѣ на откосѣ дороги, тяжелый предметъ, тихо сползающій къ обрыву;—чтобы спасти его отъ паденія, мы должны направить рычагъ нашъ въ центръ тяжести этого предмета; направивъ его иначе, мы можемъ даже ускорить паденіе.

Увидѣли мы, что мы больны, явилось и объясненіе болѣзни: она была объяснена, какъ преобладаніе свѣтской власти надъ духовною, и—всѣ какъ бы вздохнули свободнѣе: вотъ оно, вотъ причина нестроеній, вотъ корень зла,—устранится это, и все пойдетъ, какъ слѣдуетъ; — церковь была мертва, она оживетъ; церковь была въ рабствѣ, она освободится; спадутъ оковы, процвѣтетъ истина, и начнетъ водворяться у насъ царство Божіе. Цезаропапизмъ вотъ имя нашей болѣзни. Двѣсти лѣтъ она длилась, и вотъ наконецъ заря оздоровленія.

Такъ радуются многіе съ искренней благонамѣренностью, съ искренними и одушевленными надеждами, а между тѣмъ... они видятъ только симптомъ, почему и опредѣленіе болѣзни неправильно. Страшно, какъ бы не оказалось неправильнымъ и леченіе ея.

Прежде всего въ этихъ кликахъ одушевленія по поводу нахожденія болѣзни многое должно бы возбуждать недоумѣнія.—Двѣсти лѣтъ наша Русская церковь была мертва? Какъ понимать слова эти? Отторглась ли она отъ единства съ духовнымъ тѣломъ Церкви Христовой и была языческимъ обществомъ, подобно тому какъ есть выраженіе „церковь языческая", которая и приравнивается въ духовномъ отношеніи къ безплодной пустынѣ: „процвѣла есть пустыня, яко кринъ Господеви, языческая неплодящая церковь" (Кан. 2 гл. ирм. 3)?—Но какъ же смотрѣть тогда на совершавшіяся въ ней таинства? дѣйствовали они или нѣтъ? иначе: были ли за эти двѣсти лѣтъ спасаемые въ нашей Русской церкви?—потому что сила таинствъ и есть именно сила спасающая и вводящая въ жизнь вѣчную.——Сказать, что спасаемыхъ не было, никто не рѣшится, — свидѣтелями на него встанутъ святители Иннокентіи, Тихоны, Ѳеодосіи, преподобные Серафимы, а съ ними, конечно, и многіе сонмы безвѣстныхъ праведниковъ и въ вѣрѣ и покаяніи почившихъ смиренныхъ чадъ церкви, которыя за это время, пи-

таясь благодатію на лонѣ церкви Русской, отошли въ мѣста упокоенія,—значитъ, слово „мертвый“ не иначе надо понимать, какъ въ смыслѣ гиперболическомъ, для обозначенія ослабленія духовной вообще или церковной жизни въ частности. Иначе сказать, разумѣютъ, что за эти двѣсти лѣтъ благодатная жизнь въ нашей церкви оскудѣла, спасаемыхъ стало меньше?—Но есть ли какая-нибудь возможность взвѣсить здѣсь количество такъ сказать благодатной жизни, а слѣдовательно и доказать это положеніе, если бы кто захотѣлъ?

Возьмемъ прежде всего понятіе (сравнительнаго) „омертвѣнія“ въ смыслѣ оскудѣнія у насъ христіанскаго просвѣщенія. Мало у насъ этого просвѣщенія?—Несомнѣнно мало. Но вспомнимъ, какое невѣжество нашелъ св. Тихонъ Задонскій при поступленіи своемъ на Воронежскую епархію,—тамъ встрѣчались даже безграмотные священнослужители[1]. Еще позднѣе, въ 30-хъ—40-хъ годахъ XIX-го уже столѣтія, архимандритъ Макарій Алтайскій въ Болховѣ, Орловской губерніи ужаснулся отъ разговора съ городскимъ головой: тотъ не понялъ вопроса о символѣ вѣры, а понявъ, сказалъ, что его не знаетъ, а знаетъ только „вотчу“[2]. Но невѣжество отнюдь не народилось за двѣсти до насъ лѣтъ, оно—наслѣдіе старины, еще древнѣйшей, — вспомнимъ Максима Грека, вспомнимъ нашъ расколъ. Стоитъ ли доказывать, что для просвѣщенія христіанскаго у насъ, -- хотя и недостаточно, хотя и мало,—а все-таки кое что дѣлалось и сдѣлано.—Говоримъ это не для самоуспокоенія, что дескать все обстоитъ благополучно, — довольно мы коснѣли въ этомъ самоуспокоеніи, — но говоримъ для возстановленія истины, потому что искаженіе ея въ какую бы то ни было сторону вредно.

Возьмемъ еще количество вѣрующихъ въ численномъ отношеніи: значитъ ли „мертвость“ церкви нашей, что число чадъ ея уменьшилось? Несомнѣнно, духовно отпадшихъ у насъ много; но опять, — какъ сравнить съ тѣмъ, что было за 200 лѣтъ? не отторглись ли тогда цѣлые сонмы отъ

---

[1] Въ указѣ своемъ отъ 31 Мая 1763 г., онъ въ числѣ требованій отъ ставленниковъ выставилъ условіе, чтобы они „знали чтеніе“. См. Свят. Тихонъ Задонскій Пр. А. Лебедева, 3 изд. стр. 30.

[2] См. Письма арх. Макарія Глухарева. Казань 1905 г. біографія.

церкви нашей въ лицѣ порвавшихъ съ церковію старообрядцевъ?

Вообще такимъ образомъ мертвость церкви нашей, даже относительную къ предшествующему періоду ея исторіи, доказать нельзя.

Посмотримъ теперь на выраженіе „рабство". Церковь была въ рабствѣ, въ рабствѣ, разумѣть надо, у свѣтской власти. Какъ это понимать? Въ духовномъ смыслѣ это сказано быть не можетъ: поскольку мы вѣруемъ во единую святую, соборную и Апостольскую Церковь, въ которой наша Русская есть недѣлимая часть, сказать, что наша церковь въ рабствѣ, было бы ересью по догмату о Церкви, каковая ересь какъ бы не возвела на насъ грѣхъ хулы на Духа Святаго.—Дѣйствительно, можетъ ли быть Церковь въ рабствѣ?—Это недопустимо, это представленіе или понятіе немыслимое.

Церковь есть духовное царство свободы подъ главенствомъ Христовымъ, понятіе рабства съ нимъ несовмѣстимо. Поэтому никогда про Церковь не выражались, что она въ рабствѣ, — ни во времена искоренявшихъ ее гонителей, ни во времена вторгавшихся въ область правъ ея аріанствующихъ и иконоборствующихъ императоровъ; немыслимо и про восточныя церкви теперь выразиться, что онѣ въ рабствѣ у турецкаго султана, хотя онъ и утверждаетъ избираемаго патріарха. Церковь, какъ управляемая Главою своимъ Христомъ и водимая Духомъ Божіимъ, всегда была, есть и пребудетъ свободной и полноправной обладательницей своихъ духовныхъ правъ, въ силу которыхъ она и есть Церковь.—Конечно, же, значитъ, обвиняющіе нашу церковь въ рабствѣ берутъ ея понятіе въ какомъ то иномъ смыслѣ. Въ какомъ же?

Надо полагать, въ церковно-общественномъ, т. е. въ томъ смыслѣ, что члены и представители церкви въ нашей землѣ стѣснены были свѣтскою властью въ общественномъ проявленіи своей жизни.—Если взять и въ этомъ смыслѣ и сопоставить, сколько мы, члены Церкви, за все это время, имѣли свободы трудиться на поприщѣ церковно-общественной жизни, съ тѣми ограниченіями или помѣхами, которыя по мѣстамъ дѣйствительно могли серьезно чувствоваться, то думаю, не смотря на серьезность иныхъ помѣхъ, чело-

вѣку, произносящему слово „рабство", надо краснѣть за свое словоупотребленіе. Но мы оставимъ это. Допустимъ, что было серьезное давленіе, мѣшавшее предстоятелямъ церковной жизни давать ей полный ходъ;—спросимъ, гдѣ же причина этого?

Поскольку внѣшнее давленіе на церковь мѣшало ея духовному воздѣйствію на людей, постольку оно являлось нравственнымъ зломъ. Но мы, по вѣрѣ нашей, знаемъ, что нравственное зло порождается только нравственнымъ же зломъ. Иначе сказать: мы вѣруемъ, что надъ жизнью Церкви какъ и надъ жизнью міра вообще, бдитъ Промыслъ Божій, все содержащій въ своей власти и всѣмъ хотящій спастись и въ разумѣніе истины пріити, и что если что̀ мѣшаетъ всеобъемлющей и всемилующей благодати Божіей раскрываться въ мірѣ, такъ это только грѣхъ и ничто другое. Кто же виновенъ былъ у насъ въ томъ нравственномъ злѣ, по которому воздѣйствіе церковной благодати въ обществѣ уменьшилось?

Сказать ли, что виновны представители свѣтской власти, начиная, положимъ, отъ самого Петра I-го,—хорошо; но дѣло то въ томъ, что церковная жизнь не на ихъ отвѣтственности: церковная жизнь единымъ Главою и истиннымъ Архіереемъ Церкви вручается епископамъ — предстоятелямъ Ея, получающимъ для великаго дѣла ихъ нарочитую благодать Св. Духа, вспомоществующую ихъ человѣческой немощи; съ нихъ то посему и взыщется всякое упущеніе въ жизни церковной, а не съ представителей власти свѣтской, отвѣтственныхъ передъ Богомъ только своею личною нравственною отвѣтственностью. Поэтому въ переводѣ на истинно-церковный языкъ слово о рабствѣ нашей церкви надо будетъ передать такъ: двѣсти лѣтъ предстоятели нашей церкви были плохи, двѣсти лѣтъ или были слѣпы и не разумѣли, что не выполняютъ своихъ обязанностей, или двѣсти лѣтъ небрегли о нихъ, были наемниками, а не пастырями, давали расхищать стадо и забывали о долгѣ истиннаго пастыря полагать даже душу свою за овецъ. — Вѣдь ясно, что если церковь наша двѣсти лѣтъ была въ рабствѣ, то пастыри наши или этого не видѣли, считая то за маловажное, что̀ теперь находятъ столь великимъ, или они были преступны, уживаясь со зломъ, отъ котораго умалялась церковь? — Но не

слишкомъ ли самонадѣянно было бы со стороны нашего времени осуждать такъ дѣятелей временъ предъидущихъ? не востанутъ ли и здѣсь противъ насъ сотни благихъ и вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, принесшихъ своему Господу полный оброкъ своего пастырскаго служенія? — Думается ради страха собственной отвѣтственности слѣдовало бы намъ сбавить тонъ нашихъ рѣчей. Слово же „рабство церкви" должно быть во всякомъ случаѣ выкинуто, какъ способное задѣвать самое догматическое понятіе о ней.

Осталось еще выраженіе „цезаропапизмъ". — Даже для моего, удаленнаго отъ церковно-общественной жизни слуха, слово это имѣетъ исторію. Лѣтъ 10—15 тому назадъ пришлось мнѣ видѣть его впервые примѣненнымъ къ нашей церкви въ одномъ заграничномъ изданіи, помнится, нѣмецкомъ. Это было довольно пространное развитіе положенія, что въ нашей церкви господствуетъ начало цезаропапизма; но оно настолько ощутительно отдавалось латинскимъ духомъ, что дочитать брошюру не хватило охоты. Обвиненіе въ цезаропапизмѣ паписты обыкновенно направляютъ противъ не имѣющихъ іерархіи протестантовъ. Есть у нихъ и та тактика, чтобы въ томъ, въ чемъ мы отъ нихъ разнимся, сближать насъ съ протестантами, чтобы черезъ это заронить въ насъ сомнѣніе въ самихъ себѣ,—потому что вѣдь опасность протестантства очевидна. Но не будемъ осуждать ихъ: съ ихъ папистической точки зрѣнія отсутствіе папы должно же какъ-нибудь опредѣляться. Преступны не они, а мы: за эти протекшія 10—15 лѣтъ ихъ хула на церковь нашу была воспринята нами, и нынѣ мы уже безъ стѣсненія рѣшаемся порочить свою родную мать. Если бы не нынѣшнія тяжелыя времена, то можно бы улыбнуться на этотъ терминъ, въ приложеніи его къ православному сознанію насъ, русскихъ людей, и царей нашихъ.

2.

Итакъ, мы сказали, что опредѣленіе нашей болѣзни невѣрно, что вмѣсто нея взятъ ея симптомъ, одно изъ ея проявленій. Соотвѣтственно этому невѣрно и опредѣленіе ея длительности. Говорятъ, она существуетъ двѣсти лѣтъ; но

разъ ее опредѣлили, какъ преобладаніе свѣтской власти, то нѣтъ ничего легче, какъ сосчитать число лѣтъ отъ 1721 г.— учрежденія, по желанію Петра 1, синода, или нѣсколько раньше,—отъ смерти послѣдняго патріарха. Явно, что это счисленіе есть выводъ изъ опредѣленія, а не основаніе для него.

Но наша болѣзнь не есть преобладаніе свѣтской власти. Наша болѣзнь есть попраніе въ церковной жизни нашей духа соборности,—и это попраніе, смѣемъ думать, старше двухъ-сотъ лѣтъ,—не оно ли, спросимъ себя, сказалось еще въ фактѣ нашего раскола?

Соборность церковная состоитъ не въ простомъ только внѣшнемъ собраніи соборовъ. Соборность церковная есть духъ, проникающій всѣ составы церкви до мельчайшаго и связывающій ихъ во едино. Духъ соборности связываетъ настоятеля съ клиромъ его, пастыря съ прихожанами, архипастыря съ младшими сопастырями, архипастырей между собою на соборѣ. По духу соборности епископъ епархіи своей является на соборѣ не въ качествѣ главы-рѣшителя судебъ своей паствы, но въ качествѣ вѣрнаго свидѣтеля ея вѣры, выразителя направленія ея духовной жизни, ея духовныхъ потребностей, чаяній и стремленій. Ни паства безъ него, ни онъ безъ паствы своей.

Но это ли видимъ мы въ нашей церковной жизни на протяженіи уже многихъ лѣтъ? Гдѣ архипастырь искалъ когда опереться на младшихъ сопастырей своихъ? созывалъ ли онъ, хотя ближайшихъ изъ нихъ для духовнаго общенія? искалъ ли выраженія ихъ мнѣній на свои мѣропріятія?— Что-то мало или вовсе не слышно у насъ было ни о чемъ такомъ; но о земныхъ поклонахъ, о суровыхъ окрикахъ, о недоступности слыхалось много.

Такъ архіереи. Но совершенно подобное же, хотя и въ уменьшенномъ видѣ можно прослѣдить и ниже. Причты не живутъ мирно: гдѣ два священника, тамъ уже и обычны ссоры. И какая у нихъ обыкновенно подкладка: старшій хочетъ повелѣвать, младшій не хочетъ повиноваться. На первый взглядъ легко завинить одного старшаго въ притязательности и самовластіи; такъ обыкновенно и жалуется младшій;—а между тѣмъ онъ и не воображаетъ, что въ его неповиновеніи говоритъ часто тотъ же самый духъ самовла-

стія, которымъ проникнуто и распоряженіе старшаго. Ни у того, ни у другого нѣтъ духа соборности,—ощущенія необходимости братскаго совмѣстнаго дѣланія. Подобное же и по отношенію священника къ клиру: онъ не составляетъ съ нимъ одного цѣлаго, не призываетъ на совѣтъ своего діакона, своего причетника; — такъ бываетъ особенно по городамъ. Говорятъ, что клиръ стоитъ умственно и нравственно ниже священника?—пусть оно такъ, это, конечно, затрудняетъ задачу, но не избавляетъ отъ нея. Подобное же и по отношенію къ мірянамъ: если священникъ вводитъ какія-нибудь измѣненія,— считаетъ ли онъ нужнымъ обмѣняться съ прихожанами своими мнѣніями? или хотя сказать объяснительное слово? ищетъ ли онъ узнать, какъ нравится имъ его служеніе, не чувствуютъ ли они какихъ упущеній, и т. п. и т. п.?—Что то неслышно ничего такого.—Этотъ духъ передается и мірянамъ: старосты ведутъ дѣло, не заботясь объ отчетности передъ своими довѣрителями, гдѣ могутъ, не спрашиваются и священника. и весьма часто идутъ ему наперекоръ; міряне понятія не имѣютъ, куда идутъ ихъ жертвованные рубли и копѣйки, и отвыкаютъ вообще интересоваться жизнью своего храма.

Такъ сверху донизу происходитъ распаденіе живыхъ связей церковнаго тѣла.

3.

Истинное зло въ мірѣ есть только зло нравственное,— отъ него уже происходятъ всѣ другіе виды зла. Упадокъ духа соборности, о которомъ мы говоримъ, есть упадокъ среди насъ духа церковности, потому что это - одно и то же. Это есть зло нравственное, почему и причины его должны быть нравственныя, а не какія другія, и искать ихъ должно не гдѣ-то внѣ, а въ насъ самихъ. Противъ духа соборности возстаетъ всегда другой, противоборствующій духъ, который въ области церковной, можетъ быть названъ духомъ практическаго папизма.

Духъ этотъ не есть что-нибудь исключительное или чрезвычайное; онъ есть общечеловѣческое психологическое явленіе, опредѣляющееся въ нравственной области, какъ склон-

ность къ своеволію или самовластію; корень его—духовное превозношеніе, духовная гордость. Будучи вообще противунравственнымъ началомъ, духъ этотъ особенно опасенъ въ области церкви, потому что здѣсь можетъ прятаться за самыя дорогія и священныя знамена. Здѣсь-то онъ и есть практическій папизмъ.

Насколько это есть явленіе общечеловѣческое и насколько опасность его отъ самаго начала была присуща церкви, видимъ ясно изъ исторіи ея. Еще апостолы вели передъ Христомъ споры о старшинствѣ,—Онъ далъ имъ на этотъ случай твердую заповѣдь: никого не называйте себѣ на землѣ отцомъ... не зовитесь учителями... не зовитесь наставниками... ибо одинъ у васъ Учитель и Наставникъ Христосъ (см. Мѳ. 23, 8–10). Смиреніе Петра было еще сверхъ того закрѣплено памятью отреченія, а сыны Громовы, конечно, съ смиреніемъ глубоко запомнили грозное запретительное Христово слово: „не вѣсте, коего духа есте вы“ (Л. 9, 55). Для апостоловъ духъ превозношенія, послѣ пережитой смерти Христовой, сталъ, конечно, уже нравственною невозможностью. Но уже пастырямъ-преемникамъ своимъ ап. Петръ счелъ необходимымъ дать заповѣдь объ томъ, чтобы они „не господствовали надъ наслѣдіемъ Божіимъ“ (2 П. 5, 3). Значитъ, опасность эта обрисовывалась на полѣ церковномъ уже и тогда.

Духъ превозношенія, присущій, какъ сокровенное въ землѣ сѣмя плевелъ, природѣ человѣческой вообще, развивается однако въ благопріятствующихъ условіяхъ. Такъ ему способно благопріятствовать все, что возвышаетъ человѣка надъ уровнемъ среды: его способны питать сила, богатство, власть, высокое положеніе, учительство; даже простое старшинство возраста.

Въ опасность этого духа впадаетъ всякій, кто перестаетъ имѣть надъ собой старшихъ и мало видитъ или вовсе не видитъ вокругъ себя равныхъ по положенію. Такъ извѣстенъ типъ самовластнаго до упрямства, деспотичнаго главы рода, окруженнаго почтительнымъ, зависящимъ отъ него младшимъ поколѣніемъ; извѣстенъ самовластный богачъ; и даже педагоги, особенно учителя и учительницы низшей школы при болѣе продолжительной практикѣ своей часто пріобрѣ-

таютъ непріятный для посторонняго уха тонъ самоувѣренности и непогрѣшимости.

Положеніе архіерея само по себѣ всегда высоко и, безъ сознательнаго упражненія себя въ духѣ христіанскаго смиренія, всегда кроетъ опасность „господствованія" надъ паствою. Теченіе же нашей церковно-исторической жизни было таково, что положеніе архіерея становилось все выше и чрезвычайнѣе. Церковь русская раскинулась на громадныя пространства, и епархіи все возрастали и возрастали, или протяженіемъ, или многолюдствомъ. Возвышеніе шло такъ сказать двойнымъ путемъ: и кругъ власти архіерея расширялся, и рѣдкость архіерейской каѳедры надѣляла ее въ глазахъ пасомыхъ характеромъ чрезвычайности. Къ внутреннему благоговѣнію православнаго человѣка передъ архипастыремъ своимъ присоединялось все больше и больше блеска внѣшняго величія. И по мѣрѣ того какъ раздвигались границы епархіи, все дальше и дальше становились равные по сану собратья. Возможно стало для архіерея не видать ихъ до самаго конца. Опасность стала особенно великою потому, что росла незамѣтно; и теперь требуется для архипастырей нашихъ большой предшествовавшей опытности духовной, большого навыка въ храненіи духа Христова, чтобы не поддаться опасностямъ своего сана.

Людямъ высокопоставленнымъ необходимо особенное вниманіе при выборѣ своихъ сотрудниковъ, собесѣдниковъ и совѣтниковъ. Разстояніе положеній легко пугаетъ человѣка честнаго и скромнаго: съ высокопоставленнымъ человѣкомъ страшно, — какъ бы съ одной стороны не оказаться дерзкимъ, какъ бы съ другой не погрѣшить въ угодничествѣ и лести; высокопоставленные люди привыкли къ почету, къ уваженію, не привыкли къ рѣзкости, отвыкли отъ противорѣчій, отъ прямоты, иногда отъ честнаго слова правды. И вотъ все болѣе благородное, честное и скромное бѣжитъ отъ высокопоставленнаго лица, а липнетъ къ нему все заискивающее, раболѣпное, своекорыстное, иногда прямо нечестное. Архіереи не изъяты изъ общечеловѣческихъ условій; подобное же случается и съ ними. Имъ въ нынѣшнихъ условіяхъ положенія проведеніе духа соборности не можетъ достаться даромъ: имъ надо поднять до себя младшихъ своихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ паствы церковной, ободрить

ихъ къ свободному слову, оцѣнить это слово и тогда стать во главѣ именно достойнѣйшихъ своихъ сработниковъ, являясь ихъ дѣйствительными предводителями и предстоятелями по духу. Сочетать это съ необходимою архипастырскою стойкостью и твердостію, конечно, трудно. Но Духъ Христовъ Самъ воспомоществуетъ воинствующимъ подвижникамъ своимъ.

У насъ, говорятъ, болѣе двухъ сотъ лѣтъ не было соборовъ. Но кто мѣшалъ архипастырямъ нашимъ сноситься хотя письменно, съ собратіями своими по интересующимъ ихъ дѣламъ, спрашивать совѣта, спрашивать мнѣнія? Если бы духъ соборности былъ, то эта потребность сознавалась бы и были бы попытки ея удовлетворенія. А то съ тяжелымъ чувствомъ приходилось замѣчать обратное: что архіерей къ архіерею относится какъ то подозрительно, ревниво, словно къ сопернику своему, нежелательному напоминанію о предѣлахъ своей юрисдикціи.

Не къ слѣдствіямъ ли практическаго папизма слѣдуетъ отнести и то, что у насъ какъ-то выпалъ изъ практики апостольскій обычай жребія. При выборѣ и назначеніи кандидатовъ во епископы объ немъ уже не слышно. А между тѣмъ въ жизнеописаніи св. Тихона Задонскаго объ немъ еще упоминается; значитъ, сто полтораста лѣтъ тому назадъ онъ еще употреблялся, какъ привычный. Обычай жребія, конечно, не долженъ обратиться въ формализмъ. Возможны же, конечно, назначенія и безъ него, назначенія, настолько безспорныя по единственности и по превосходству кандидата, что жребій долженъ оказываться излишнимъ. Но жребій, думается, вообще вещь серьезная и важная въ практикѣ церковной: не напрасно же и апостолы воспользовались имъ, не напрасно и стоитъ это записаннымъ въ священной книгѣ Дѣяній. Употребленіе жребія соединяется по самому смыслу своему съ воззрѣніемъ вѣры къ Главѣ Церкви: къ Единому „великому и истинному Епископу Ея“, какъ выражается св. Василій Великій“ [1]. Поэтому, думается, можно не безъ основанія связать паденіе обычая жребія съ усиленіемъ духа практическаго папизма. Папизмъ въ томъ вѣдь, мы видимъ, и состоитъ, что устраняетъ Христа изъ Церкви.

[1] Письмо 46(50) къ Иннокентію епископу.

Развившись на высотѣ, духъ папизма сообщился и въ нижніе слои. Указанные выше примѣры паденія соборности среди младшаго священства суть выраженія того же духа. Онъ сообщался и сообщается и всякому мірянину, получающему въ церкви вліяніе; хотя въ мірянахъ и долженъ утратить это названіе, оставаясь просто самовластіемъ и самоуправствомъ. Не этотъ ли духъ сказался и въ представителяхъ свѣтской власти, когда они соприкоснулись съ церковною областью? Иначе сказать: могли ли бы представители свѣтской власти преступить границы, еслибы въ церкви ихъ встрѣтилъ духъ соборности?

Духъ практическаго папизма имѣетъ у насъ поддержку въ практикѣ, которая сама по себѣ имѣетъ, конечно, и хорошія стороны; это проведеніе епископовъ черезъ монашеское постриженіе. Само по себѣ постриженіе это бываетъ нравственно полезно въ смыслѣ сознательнаго повторенія нашихъ христіанскихъ обѣтовъ, которые давались за насъ воспріемниками нашими при ранней нашей купели крещенія. Для епископа полезно обновить и еще усилить обѣтъ всецѣлаго посвященія нашего Христу. Но рядомъ съ хорошею стороною практика эта способна вмѣстѣ питать у насъ духъ практическаго папизма: она и дѣлаетъ это смѣшеніемъ идеи іерархическаго повиновенія съ дисциплиной монашескаго послушанія. Монашеское послушаніе есть дисциплинарный принципъ, могущественное воспитательное средство и нравственное лекарство, дѣйствію котораго и подвергаютъ себя, ощущающіе въ немъ нужду. Человѣкъ, ищущій духовнаго исцѣленія или возстановленія внутренняго равновѣсія какъ бы вынимаетъ изъ себя свою волю и влагаетъ ее добровольно въ руки избраннаго наставника своего,—въ лицѣ ли нарочитаго старца или простого игумена. Тутъ цѣль взаимоотношеній—нравственное воспитаніе старшимъ младшаго. Не то въ іерархическомъ повиновеніи: тамъ общая цѣль—созиданіе Церкви Христовой, и архипастырь хотя и духовный отецъ каждаго изъ пасомыхъ, значитъ, и младшихъ сопастырей своихъ, но онъ позволитъ себѣ превышеніе своей власти, если захочетъ стать ихъ духовникомъ или игуменомъ. Младшіе священнослужители обязаны повиноваться своему архипастырю во всемъ, что касается правильнаго отправленія ихъ іерархи-

ческаго служенія; конечно, архипастырь обязанъ слѣдить и за общею неукоризненностью ихъ поведенія, не говоря уже о православіи ихъ проповѣданія, что само собою разумѣется; но помимо этого онъ не долженъ посягать на ихъ волю, на все личное своеобразіе ихъ нравственной жизни, каковую волю руководитель-игуменъ съ согласія послушника своего именно и беретъ всю въ свои руки, на время ли испытанія, или и на все теченіе монашескаго подвига.

Монашеское послушаніе для внѣшняго удобства управленія чрезвычайно пригодно: монахъ подчиненный ни отъ чего не откажется, не попрекословитъ, а не то ему можно напомнить объ его обѣтѣ; его можно удержать отъ умничанья, отъ разсужденія, онъ можетъ быть быстрымъ, покорнымъ, слѣпымъ орудіемъ чужой воли. Кому это болѣе на руку, какъ не духу папизма? И вотъ одновременно съ духомъ практическаго папизма произрастаетъ усиленное монахолюбіе въ ущербъ, конечно, духу истиннаго монашества. Монашество получаетъ предпочтеніе передъ бѣлымъ духовенствомъ, и слѣдствій изъ этого выходитъ два: съ одной стороны монашеская ряса начинаетъ вмѣсто истинныхъ подвижниковъ привлекать честолюбцевъ; съ другой стороны монахолюбіе воздвигаетъ стѣну между архипастыремъ и его пресвитерами не монахами. Архипастырь начинаетъ видѣть въ нихъ по сравненію элементъ, какъ бы не въ достаточной мѣрѣ покорный себѣ; младшіе пастыри начинаютъ духовно чуждаться своего архипастыря-монахолюбца, чувствовать къ нему недовѣріе, а при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и какую-то сословную враждебность.

Такъ духъ папизма есть церковно-разлагающее начало.

4.

Да и чего духъ папизма не разлагаетъ! Онъ кроетъ въ себѣ зерно фанатизма, невѣрія въ истину, исповѣданія спасительной лжи. Такъ онъ начинаетъ съ того, что по общему духу превозношенія превозносится и исповѣдуемой истиной; повышенное самочувствіе его дѣлаетъ человѣка въ собственныхъ глазахъ носителемъ этой истины. Онъ начинаетъ съ этой истиной смѣшивать свое собственное, по-

человѣчески непремѣнно ограниченное воззрѣніе. Вотъ фанатизмъ уже и на лицо.

Затѣмъ эту истину свою онъ считаетъ единоспасительною. Ясно, что если онъ истиною всецѣло обладаетъ, то ничто уже другое не нужно. Поэтому для духа папизма самоцѣнность истины, самоцѣнность науки понемногу пропадаетъ, остается только служебное значеніе всего остального знанія, всѣхъ другихъ наукъ, по отношенію къ той единоспасающей истинѣ, носителемъ которой онъ мнитъ себя быть. Но если науки служебны, то онѣ уже не самоцѣнны; ихъ выводы должны доказывать истину едино-спасительную; если они не доказываютъ,—прочь ихъ! объ нихъ не надо и говорить, ихъ надо замалчивать: отъ этого уже не великъ и шагъ къ спасительной лжи; а разъ такъ, то истины уже и нѣтъ;—осталось нѣкоторое спасительное исповѣданіе, которое собственно и не нуждается въ основаніяхъ, доказательствахъ, убѣжденіи, а наилучшимъ образомъ воспринимается черезъ слѣпое послушаніе. Но съ этимъ вмѣстѣ извращается вся духовная природа человѣческая: изъ разумно-свободнаго созданія Божія, человѣкъ низводится къ механизму и автоматичности, къ продукту внѣшне-вложеннаго въ него стимула жизни и дѣятельности. Картину этого достаточно ярко нарисовалъ Достоевскій въ Великомъ Инквизиторѣ.

Какая разница съ православно-христіанскимъ воззрѣніемъ на дѣло истины! Истина наша есть Христосъ; внѣ Его нѣтъ истины ни на землѣ, ни на небѣ, потому что Имъ, какъ предвѣчной Премудростью Своею сотворилъ Отецъ все видимое и невидимое. Поэтому всѣ истины науки, какъ являющія законы бытія, являютъ намъ истину Христа Сына Божія, суть выраженія божественныхъ мыслей Премудрости Божией, потому всѣ онѣ, конечно, имѣютъ и нравственное значеніе и въ этомъ отношеніи должны намъ служить пособіемъ для нашей вѣры и нравственной жизни; но это онѣ дѣлаютъ именно, какъ истины, а не иначе, внутреннею въ нихъ силою Божественной мысли, потому и не теряютъ своей самоцѣнности. И для насъ, православныхъ, отдѣльные выводы науки въ ходѣ ея и нашего развитія могутъ оказываться въ противорѣчіи съ тѣми или иными представленіями нашей вѣры. Но сама же

вѣра наша и спасаетъ насъ отъ преткновенія, а истину научную отъ нашего посягательства. Она твердо убѣждаетъ насъ, что двухъ истинъ нѣтъ, что истина одна, камень же преткновенія лежитъ несомнѣнно въ узкости нашего въ данный моментъ воззрѣнія. Вѣра наша, конечно, не допускаетъ насъ подписаться подъ отрицающимъ ее выводомъ; но она же убѣждаетъ насъ въ необходимости новаго пересмотра нашего неправильнаго уравненія, съ несомнѣнностію насъ убѣждая, что равенство есть и можетъ быть нами достигнуто. Думая иначе, мы измѣнили бы нашей вѣрѣ во Христа, какъ всеобъемлющей Премудрости Божіей. Такъ православное воззрѣніе есть по существу непрестающій двигатель умственной жизни, вдохновитель къ духовной работѣ.

Мы сказали здѣсь объ уклонахъ духа папизма въ сторону фанатизма и спасительной лжи не потому, чтобы эти явленія отмѣчали нашу церковную жизнь. Нѣтъ! недаромъ же мы все таки зовемъ себя православными. Но какъ тѣни отъ облака, проходятъ однако у насъ тамъ и сямъ несознанныя вѣянія этого духа и въ указанныхъ отношеніяхъ.

Такъ у нашихъ предстоятелей церковныхъ случается подозрительное или высокомѣрное отношеніе, если рѣдко къ наукамъ, то чаще къ ихъ представителямъ въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ. Объ этомъ приходилось слыхать. Между тѣмъ учительство, особенно высшее, есть тоже призваніе Божіе: и архипастырь, напримѣръ, на профессора богословской школы долженъ бы былъ всегда смотрѣть, какъ на почтеннаго по званію своему сотрудника своего на нивѣ Божіей: дары различны, но Духъ одинъ и тотъ же, дающій всякому свое: священству данъ чрезвычайный благодатный даръ для церковнаго вѣроучительства; но другіе дары и въ частности даръ учительства научнаго тѣмъ же Духомъ Божіимъ сообщается естественнымъ силамъ человѣческимъ, по общимъ Богомъ созданнымъ законамъ естества и жизненнымъ условіямъ того или другого человѣка.

Спросимъ себя и еще: не духъ ли сокровеннаго невѣрія въ самоцѣнность во Христѣ истиннаго знанія прокрался въ программы и строй нашихъ духовно-учебныхъ заведеній и тамъ богословскія науки, которыя, какъ всякія области

знанія и изслѣдованія, сами въ себѣ живы и дѣйственны,—обратилъ въ мертвую схоластику? Не онъ ли затѣмъ тайно подорвалъ и разумныя основы самой вѣры, проложивъ путь столь обычному теперь отрицанію теоретической стороны христіанства, отрицанію преподаванія истинъ вѣры, отрицанію нужды въ догматахъ, униженію ума въ области христіанской жизни, сведенію христіанства „къ чувству и волѣ“,—словно послѣднія могутъ устоять безъ ума!

Мы видимъ на Римѣ, какъ духъ папизма насильственно восхитилъ себѣ тамъ верховный умственный авторитетъ. Благодать священнаго учительства понимается тамъ внѣшнимъ образомъ, не духовно, а по-плотски; область вѣры смѣшивается съ областью знанія; и въ концѣ всего выходитъ, что церковь у нихъ раздѣлена на учащую, которая одна собственно и имѣетъ голосъ въ дѣлѣ истины, и на учимую, міранъ, которые дѣлаются причастными истинѣ только черезъ послушаніе церкви учащей.

Во внутренней связи съ такимъ-то дѣленіемъ церкви стоитъ и у насъ теперь вопросъ объ участіи или неучастіи міранъ на соборѣ. Думается, для православнаго воззрѣнія и положенія дѣлъ вопросъ этотъ есть вопросъ, совершенно праздный,—спорить тутъ совсѣмъ не о чемъ. Ясно же, что представители церквей суть епископы, и они только одни,—они и суть полномочные каноническіе соучастники собора. Дѣйствительно: если епископъ есть выразитель вѣры и духа своей паствы,—а такъ должно быть, то участіе кого бы то ни было еще есть прямое излишество, безцѣльный такъ сказать плеоназмъ. Но если канонически выразителями своихъ церквей должны являться только епископы и никто другой, то это не мѣшаетъ епископамъ приглашать къ соучастію на соборѣ и другихъ членовъ Церкви, и такое приглашеніе, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть желательнымъ и даже необходимымъ; но необходимость эта не будетъ необходимостью канонической, а практической и нравственною. Такъ патріархъ Александрійскій Александръ счелъ необходимымъ взять на первый вселенскій соборъ своего архидіакона Аѳанасія, дарованія котораго онъ сознавалъ и цѣнилъ. Такъ думается и въ наше время, и въ наше время, вслѣдствіе разобщенности архипастырей съ паствою особенно,—каждый епископъ дол-

жепъ внимательно осмотрѣться вокругъ себя, нѣтъ ли около него какой-нибудь духовной величины, которая могла бы оказаться полезной на соборѣ, -будь это духовное лицо, или какой-нибудь имѣющій духовный вѣсъ мірянинъ, —напримѣръ, какой-нибудь спеціалистъ въ богословскихъ вопросахъ профессоръ, или опытный по службѣ педагогъ, или законовѣдъ, или кто еще иной, даже, быть можетъ, просто человѣкъ высокой духовной жизни. А то у насъ по духу практическаго папизма готовы наоборотъ: во имя папистическаго отдѣленія духовенства отъ міряпъ и присвоенія имени церкви одному духовенству, одѣть номинально въ рясы кого угодно,—учителей, дѣлопроизводителей, казначеевъ, юрисконсультовъ, -и надѣлать изъ нихъ немонашескихъ монаховъ или несвященнодѣйствующихъ священниковъ безъ прихода, для чего? чтобы похвалиться „въ плоти ихъ“, т. е. чтобъ управленіе имѣло видъ болѣе церковный. Отсюда и ропотъ на свѣтскіе сюртуки и свѣтлыя пуговицы. Если бы говорили только о превышеніи власти свѣтскими чиновниками, то это было бы вѣрно; но одновременно проводятъ вѣдь и папистическій взглядъ, будто все, что не ряса, то и не церковь.

5.

Все сказанное о папизмѣ еще не исчерпываетъ послѣдствій его: завершеніе его въ томъ, что онъ рождаетъ протестантство, каковое есть уже уклонъ къ открытому невѣрію.

Это мы можемъ теперь широко наблюдать у насъ.

Духъ папизма раздѣляетъ церковь на церковь учащую и церковь послушествующую, на церковь въ собственномъ смыслѣ, т. е. іерархію, и на мірянъ. Міряне тоже быстро усвапваютъ себѣ это раздѣленіе. И вотъ мы слышимъ теперь кругомъ: „церковь, церковь“, а въ словахъ этихъ разумѣется что или кто? церковь въ самомъ дѣлѣ? — Нѣтъ, одно духовенство. Это показываетъ въ устахъ словоупотребляющихъ мірянъ, что они мысленно отдѣлили себя отъ церкви:—они еще считаютъ себя христіанами, да, -- но они уже не церковь. Это и есть уже практическое протестантство.

Такое протестантство не безызвѣстно и прежнимъ временамъ. Когда свят. Тихонъ, при проѣздѣ за 100 в. на похороны къ одному помѣщику, попросилъ въ одномъ селѣ свѣжихъ лошадей, мужики отказали ему съ грубыми словами: „ты не губернаторъ". „Но я архипастырь вашъ", сказалъ Святитель. „Ты пастырь надъ попами, да надъ дьячками", былъ ему отвѣтъ. Вотъ какъ еще далеко усматривается духъ практическаго протестантства. Да онъ, конечно, вмѣстѣ съ духомъ папизма всегда психологически соприсущъ церковной жизни, какъ двѣ стороны одного и того же противоцерковнаго, а потому и Самому Христу противоборственнаго духа.

У насъ теперь постоянно слышимъ нареканія на „церковь", т. е. на духовенство, и нареканія эти идутъ весьма часто не со стороны враждебной, а со стороны вѣрующихъ міранъ, ревнующихъ о знамени христіанскомъ. „Духовенство невѣжественно, косно, корыстно, иметъ не идетъ вслѣдъ за вѣкомъ, не понимаетъ нуждъ современнаго общества, само по небрежности и лѣности растериваетъ овецъ стада, неспособно отвѣчать на духовные запросы современной интеллигенціи" и т. п. и т. п. Все это, конечно, невѣрно, какъ обобщеніе; но какъ наблюдаемые факты, все оно, конечно, существуетъ. Только дѣло то въ томъ, что ревностные обвинители не воображаютъ, что и они повинны въ этомъ злѣ, что они изрекаютъ тутъ приговоръ и на свою собственную голову. Мы, православные христіане, должны всѣ до единаго участвовать въ воинствованіи земной церкви: на это указываютъ сказанныя при одномъ случаѣ слова Господа ученикамъ: „Жатвы много, а дѣлателей мало. И такъ молите Господина жатвы, да изведетъ дѣлателей на ниву свою". (Мѳ. 9, 36—37). Обвинители духовенства утратили сознаніе духовнаго единства церковной жизни; законы благодатнаго ея осуществленія стали для нихъ какъ бы невидимы. А по этимъ законамъ не пастырь только отвѣчаетъ за паству, но и паства не безотвѣтна за пастыря своего: по этимъ законамъ въ совершеніи богослуженія и таинствъ, священникъ конечно, является избраннымъ отъ Бога орудіемъ благодати, но ему вспомоществуютъ и молитвы вѣрующихъ: онѣ могутъ въ самомъ священникѣ, косномъ или небрежномъ, двигать и возгрѣвать благодать. Такъ и въ церков-

ной жизни вообще: церковная жизнь священника есть одна съ его паствой; священникъ для паствы есть свой, Богомъ данный и поставленный ей; если онъ нехорошъ, то что не стараются они, чтобы онъ былъ лучше, что не молятся объ его исправленіи? – А молимся ли мы за пастырей нашихъ? Когда возглашается въ храмѣ: „ихже даруй намъ, въ мирѣ цѣлыхъ, честныхъ, здравыхъ, долгоденствующихъ, право-правящихъ слово Твоея истины" повторяемъ ли мы слова этой молитвы внимательно, съ чувствомъ отвѣтственности за пастырей своихъ, отвѣтственности за ихъ достоинство, здоровье, благоденствіе и за самое православіе ихъ пропо-вѣданія? ибо объ отвѣтственности нашей за все это и сви-дѣтельствуетъ эта молитва. - Если бы мы объ этомъ думали, мы, конечно, осторожнѣе бы осуждали.

Къ протестантствующему теченію слѣдуетъ отнести и толки о такъ называемомъ „избирательномъ" началѣ. Слу-шая, въ концѣ концовъ недоумѣваешь: вѣдь разъ архи-пастырь нравственно отвѣтственъ передъ Богомъ за паству свою, то развѣ можетъ онъ въ дѣлѣ священнаго руко-положенія считать для себя обязательнымъ что-нибудь, кромѣ личнаго убѣжденія въ достоинствѣ и пригодности кандидата? а если такъ, то истиннымъ избирателемъ будетъ всегда онъ и никто другой. За приходомъ, конечно, всегда есть и всегда останется нравственное право представленія кандидата, что и теперь иногда дѣлается, а при оживленіи духа соборности будетъ, конечно, дѣлаться еще чаще: сами архіереи, конечно, будутъ спрашивать, при случаѣ, нѣтъ ли у прихожанъ достойнаго и желательнаго кандидата, какъ это дѣлается въ монастыряхъ при избраніи игуменовъ и игу-меній. Но дѣлать изъ этого какое то конституціонное устрой-ство съ какими то выборными правами не претитъ ли также непосредственному православному чувству? Мало намъ было въ церковной исторіи уроковъ; въ древней греко-римской церкви греческая агора, утративъ политическое значеніе, вторглась въ церковь и много надѣлала зла въ свое время: мятежи, неистовства и насилія въ стѣнахъ хра-мовъ, вотъ что видимъ при избраніяхъ епископовъ; образо-валась мѣстами чуть ли не цѣлая система симоніи, только дѣйствующей снизу вверхъ: народъ покупался лестью, обѣ-щаніями, обѣдами, прямо деньгами; на епископскія каѳедры

попадали честолюбцы, корыстолюбцы, свинопасы, даже люди прямо запятнанной совѣсти, — свидѣтельства этому достаточны у отцевъ IV-го вѣка. А знаемъ ли мы, какъ обстоитъ все это и теперь на Востокѣ?—Но вернемся къ прямому теченію рѣчи нашей.

Укоренившись разъ въ почвѣ, протестантство начинаетъ раскидываться въ ширь, захватывая постепенно всѣ области жизни христіанской. Древняя жизнь христіанъ въ церкви, древнее искапіе церковной благодати для каждаго серьезнаго шага въ жизненномъ пути, для начала и окончанія дѣла, ученья, для избранія пути жизни и т. п. отходитъ постепенно, но вѣрными шагами въ область преданій; это — у людей, считающихъ себя христіанами и даже православными. За этимъ слѣдуетъ уклоненіе отъ таинствъ, тоже возрастающее постепенно; — за послѣднее полъ-столѣтія оно такъ возросло, что государственная обязательность христіанскихъ таинствъ стала уже тяготить совѣсти. Это стало знакомъ, что практическое протестантство разрѣшилось уже въ невѣріе.

Но о если бы протестантствовали только міряне! это было бы еще такъ сказать полъ-бѣды. Теперь же протестантство широкою волною охватило и самое духовенство, и не видятъ они, что готовятъ въ церкви нашей новый, худшій расколъ. Изъ всѣхъ тяжелыхъ явленій нашихъ дней это— самое тяжелое; оно грозитъ разыграться въ будущемъ великою бурею. Да сохранитъ насъ отъ этого Господь!

Мы видѣли, какъ духъ практическаго папизма ослабилъ связи между архипастырями и сопастырями ихъ священниками. Захотятъ ли протестантствующіе этимъ оправдывать себя? — Возможно, что захотятъ: нынѣ, когда детерминистическіе взгляды проникаютъ въ практику жизни, это стало обычнымъ; — скажутъ: одно зло породило другое, и мы не виноваты. Но если они скажутъ, слова эти будутъ только перифразомъ 3-й главы Библіи,—они не снимутъ съ нихъ вины ихъ.—Развѣ въ каждомъ изъ насъ нѣтъ разумнаго сознанія? развѣ мы малыя дѣти? или автоматы, которые движутся, смотря по тому, какую пружинку тронешь? развѣ каждый человѣкъ не отвѣчаетъ за себя? Каковъ бы ни былъ архипастырь, священники отъ него содержатъ свою власть, безъ него они самозванцы, узурпаторы, хищники благодат-

нихъ, божественныхъ правъ. Когда діаконъ облачается, онъ долженъ испрашивать благословеніе у священника на возложеніе стихаря. А протестантствующіе священники у насъ помнятъ ли, одѣвая ризы свои, что и они одѣваютъ ихъ всякій разъ только благословеніемъ іерархическаго главы своего, и никакъ иначе? Чувствуется, что иные мало помнятъ это, если не забыли уже совсѣмъ.

Мы по православному взгляду чтимъ въ пастыряхъ нашихъ не людей,—люди всѣ немощны, несовершенны, односторонни, — мы чтимъ въ нихъ благодать Христову, поставившую ихъ. Страшно пренебречь этой благодатью. Мы отъ пастырей нашихъ взираемъ къ Самому Христу, и это даетъ намъ ни съ чѣмъ несравнимую духовную свободу! мы во имя Христа повинуемся имъ, но во имя Христа и противустанемъ, когда они пойдутъ противъ истины Христовой. Но и повинуясь, и противустановясь имъ, мы равно чтимъ благодать священства, и этимъ всегда должно быть отмѣчено наше отношеніе. Таково же и отношеніе священниковъ къ епископу своему: оно есть отношеніе сыновнее, и въ духѣ сыновства, а не иначе должны бы священники всегда взирать на епископа своего. Немощи, несовершенства своего архипастыря должны бы они духовно брать на рамена свои, и подражать въ случаѣ нужды не Хаму, а Симу и Іафету. Питая сыновнее почитаніе и любовь, они имѣли бы и сыновнее дерзновеніе.

Пренебреженіе іерархическимъ началомъ естественнымъ путемъ должно пролагать дорогу и невѣрію въ благодать священства, которое теоретическимъ протестантствомъ дѣйствительно уже и отвергнуто какъ таинство. И объ такомъ у насъ вѣяніи начинаетъ сказывать молва;—какъ хотѣлось бы, чтобы она была преувеличенною! Но преувеличена она или нѣтъ, а путь протестантства вѣренъ себѣ: онъ всегда тихо скользитъ по постепенному, по неотвратимому уклону. Поколеблена вѣра въ священство, не преминутъ послѣдовать постепенно и другія таинства...

Но оставимъ пока виды будущаго. Вернемся къ тому, что уже на лицо, —отмѣтимъ и наималѣйшія проявленія чуждаго духа, пока они не проросли въ большее. Въ священнической средѣ нашей получили теперь ходъ и употребленіе слова: „либерализмъ“, „просвѣтительное движе-

nie". Многіе священники спѣшатъ подписываться подъ ними, заявляютъ себя ихъ сторонниками, приставляютъ эти названія къ своимъ именамъ. Странное и непонятное дѣло! развѣ христіанство не есть высшій и единый истинный въ мірѣ либерализмъ, понимая это слово въ смыслѣ царства истинной свободы? и развѣ жизнь Церкви не есть по существу всегда просвѣтительное движеніе и ничто другое? Не странно ли, не возбуждаетъ ли сомнѣній, что намъ мало стало званія православныхъ христіанъ? что это вожделѣннѣйшее имя, за которое умирали съ радостію сонмы мучениковъ, для насъ уже не выражаетъ всего? —Не странно это, а страшно, тѣмъ болѣе, что словами этими увлекаются и многіе достойные люди. Страшно это, потому что тутъ кроется невыяснившійся еще недугъ, тутъ зерно грозящаго раскола, можетъ и ереси. —Отъ одного духовнаго отца пришлось еще давно слышать такое мнѣніе: въ первыхъ членовъ Символа вѣры всѣ подвергались нападенію отъ ересей,—не было этого еще съ членомъ о Церкви; если ересь возстанетъ, то теперь именно противъ него.—Это грозитъ оправдаться. Дѣйствительно, расшатанная церковная жизнь наша расшатала и вѣру нашу во едину святую, соборную и Апостольскую Церковь.

Прежде всего, это стало уже выражаться въ нашемъ словоупотребленіи. Возьмемъ сперва наименьшее: теперь широко употребляютъ у насъ слово „церковная реформа", нимало не замѣчая, какъ двусмысленно оно звучитъ. Разберемъ какъ должно понимать его. Реформа церкви, хотя бы только русской церкви, - выраженіе для православнаго слуха невозможное: это вѣдь значитъ преобразованіе церкви; но кто смѣетъ преобразовывать, что образовано внутреннимъ образованіемъ отъ Духа Святаго?—Надо разумѣть: „преобразованія въ церкви русской". Но и это не достаточно ясно, и можетъ повести къ догматическимъ преткновеніямъ; вѣдь „преобразовывать" значитъ пересоздать, видоизмѣнить что-нибудь на новыхъ основаніяхъ, найденныхъ лучшими. Но развѣ для жизни церковной возможны новыя или лучшія основанія, помимо заложенныхъ въ ней изначала? Вѣдь если, напримѣръ, духъ церковный есть искони духъ соборности, и если мы, утративъ его, хотимъ теперь обновить его, то можно ли это назвать „пре-

образованіемъ"? Видоизмѣненія въ нашихъ русско-церковныхъ порядкахъ, тѣ или иныя въ каноническихъ предѣлахъ перемѣны въ церковномъ управленіи, — вотъ объ чемъ собственно должна идти, да и идетъ рѣчь; —церковной реформой назвать этого по смыслу слова нельзя, реформа можетъ быть только въ такомъ то и такомъ то вѣдомствѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ положеніяхъ консисторій и т. п., —во всемъ, однимъ словомъ, что имѣло человѣческое начало и людьми же можетъ преобразовываться на началахъ лучшихъ. Но выраженіе „реформа церковная" есть недоразумѣніе и недоразумѣніе по нынѣшнимъ временамъ опасное. Вспомнимъ, что и Лютеръ началъ съ того, что благородно возсталъ противъ римскихъ злоупотребленій; но онъ дѣйствительно началъ „реформу", и реформа увлекла его туда, куда онъ сначала и не хотѣлъ. Должно бы насъ отъ слова „реформа" остерегать хотя бы историческое его значеніе, образовавшее отъ себя и производное—„реформацію". Слова не безразличный звукъ, не случайный, —они корнями и сродствомъ своимъ принудительно влекутъ за собой и соприкосновенныя понятія.

Къ неправильному словоупотребленію слѣдуетъ отнести и выраженіе: „отдѣленіе церкви отъ государства". Какъ не замѣчаютъ употребляющіе его, что въ данномъ случаѣ ихъ желанія и стремленія совпадаютъ съ стремленіями противниковъ церкви? какъ не возбуждаетъ ни въ комъ сомнѣній странность такого явленія? Между тѣмъ вся странность произошла отъ неправильнаго словоупотребленія, такъ какъ центръ тяжести вопроса и сущность его лежатъ въ отдѣленіи государства отъ церкви, а не наоборотъ, нашего государства, доселѣ русскаго и православнаго, которое досел̆ѣ мы желали строить на духовныхъ христіанскихъ началахъ.. Но тутъ разбирать и говорить пришлось бы долго, и мы вернемся къ прямому предмету рѣчи нашей.

Изъ всѣхъ случаевъ неправильнаго словоупотребленія всего важнѣе указанныя въ первой главѣ выраженія „рабство" и „мертвость" церкви. Вотъ что по этому вопросу давно еще сказалъ одинъ православный богословъ церкви русской. Созерцая внутреннюю благодатную силу двунадесятыхъ праздниковъ, онъ при праздникѣ Успенія Богоматери какъ символически изображающей въ лицѣ своемъ Матерь,

Церковь Христову, говоритъ: „Но и тогда, если бы благодатная жизнь въ большей части христіанъ не дѣйствовала или мало дѣйствовала, православная Христова Церковь тѣмъ не менѣе остается и есть вся — жизнь и источникъ благодатной жизни... И такъ горе тому, кто изъ-за нашей мертвости, дерзнулъ бы порочить святыню и животворность св. Церкви: это — новый жидъ Аѳоній, устремляющійся къ ниспроверженію одра съ почивающею на немъ благодатною Царицею“ [1].

Всѣ эти примѣры словоупотребленія показываютъ, что понятіе Церкви во многихъ изъ насъ стало сбивчивымъ, колеблющимся, расплывчатымъ, а въ иныхъ уже измѣнило свое содержаніе. Церковь въ православномъ понятіи, составляющемъ догматъ исповѣданія нашего, есть едина; она есть живая единица духовной жизни, собирательная и вмѣстѣ недѣлимо цѣльная въ Главѣ Своемъ и Духѣ Божіемъ, связующемъ ее; премірная и вмѣстѣ, реально живущая на землѣ въ нашемъ видимомъ мірѣ; неизмѣнная и сама себѣ вѣчно вѣрная, и вмѣстѣ открывающая свои врата для все большаго и большаго разнообразія языковъ и племенъ, со всѣми ихъ историческими, географическими и психологическими условіями. Но въ рѣчахъ протестантства церковь разлагается на два понятія: одно какое-то отвлеченное, не реальное и если существующее, такъ только развѣ на небѣ; а другое земное, подверженное всѣмъ условіямъ историческихъ законовъ условіямъ регресса (мертвость, рабство) и условіямъ прогресса (догматическое развитіе и под.),— однимъ словомъ, человѣческое.

Не это ли причина и тайной соприкосновенности практическаго протестантства, если не прямо съ революціонными движеніями, то съ революціоннымъ настроеніемъ?..

Протестантствующее настроеніе, разъ просочившись въ душу, пропитываетъ понемногу все вокругъ; оно проникаетъ и въ самые корни духовной жизни и парализуетъ ихъ питательные соки. Мы говорили о внѣшнемъ монахолюбіи, свойственномъ духу папизма. Протестантство наоборотъ,— относится къ монашеству отрицательно. Но дѣло тутъ не

---

[1] Арх. Ѳеодоръ Бухаревъ. Православіе въ отношеніи къ современности. Двунадесятые праздники, стр. 37.

въ монашествѣ самомъ по себѣ, дѣло тутъ глубже: выставляя предлогомъ нападокъ своихъ ложный аскетизмъ, „эгоизмъ самоспасенія“, выставляя предлогомъ свое радѣніе о духѣ любви Христовой, о христіанскомъ милосердіи, протестантство направляетъ удары разрушительнаго лома своего на самую духовность жизни христіанской, на необходимость духовнаго подвига, духовнаго дѣланія, — поста, молитвы, духовнаго упражненія; оно подкапывается подъ созерцательный идеалъ, не представляя себѣ, что черезъ это перерѣзаетъ жизненный нервъ того самаго, о чемъ старается.

Двѣ главныхъ заповѣди назвалъ Господь Іисусъ въ отвѣтъ законнику: любовь къ Богу, какъ первую и главную и любовь къ ближнему, какъ подобную ей. Но практическое протестантства наше опустило первую заповѣдь, свело ее ко второй, увѣряя, что въ любви къ ближнимъ и заключается любовь къ Богу. Эта духовная ошибка можетъ разрѣшаться въ тяжелое нравственное крушеніе. Обѣ заповѣди законныя дѣйствительно объединяются въ духовномъ единствѣ, и Господь указалъ намъ это единство въ новой, новозавѣтной заповѣди Своей. „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ“. (Іоан. 13, 34). Вотъ оно объединеніе двухъ видовъ любви, это духъ любви Христовой. Мы должны любить ближняго не какъ уже себя самихъ, а больше себя, съ Христовымъ пожертвованіемъ собою; но чтобы имѣть этотъ духъ Христова самопожертвованія, котораго въ насъ нѣтъ или который только изрѣдка блеснетъ тамъ и сямъ въ потемнѣвшихъ и загрязненныхъ естественныхъ силахъ нашихъ, блеснетъ и угаснетъ, уже можетъ навсегда, — чтобы имѣть этотъ духъ въ себѣ, мы должны усвоять себѣ Христа, искать Его, устремляться къ Нему и отъ Него почерпать благодатную помощь для возращенія въ себѣ Его духа и затѣмъ проявленія его въ жизни нашей. Эту сторону христіанской жизни протестантство наше краснорѣчиво замалчиваетъ.

Вотъ какова, такимъ образомъ, разлагающая сила духа практическаго протестантства: оно касается не одного какого-нибудь воззрѣнія, не одной какой-нибудь частности, — оно уклоняетъ все теченіе жизни христіанской, окрашиваетъ собою все міровоззрѣніе.

6.

Говоря о практическомъ протестантствѣ среди мірянъ и самого духовенства, мы сказали не все. Еще практическое протестантство охватило наши духовно-учебныя заведенія, и съ такою силою, что объ этомъ нужно говорить особо. Здѣсь практическое протестантство наше шло такимъ ускореннымъ ходомъ, что быстро достигло предѣловъ прямого отрицанія и невѣрія. Говорятъ, что за послѣдніе годы преосв. Николай Японскій перестатъ посылать воспитанниковъ своей семинаріи въ наши академіи, потому что они тутъ теряли вѣру. Приходилось слышать и отъ воспитанниковъ семинарій нашихъ личное засвидѣтельствованіе факта, что и многіе молодые люди, поступивъ съ вѣрою, за теченіе курса теряли ее и выходили совершенными атеистами. Станетъ ли кто отрицать этотъ фактъ? Думается, онъ ужъ слишкомъ общеизвѣстенъ. Что были всѣ эти бунты, взрывы, разбитіе стеколъ, какъ не засвидѣтельствованіе практическаго отреченія отъ христіанства? Вѣдь невозможно же себѣ представить, чтобы дѣйствительно христіанскій юноша взялъ камень и бросилъ въ стекло, или вложилъ въ печку динамитъ и поджегъ его. Если бы это было гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, то могло бы быть объяснено какою-нибудь психологическою исключительностью, но общность явленія свидѣтельствуетъ объ общности производящаго его духа.

Теперь ставятъ вопросъ о свободѣ преподаванія въ академіяхъ, о свободѣ науки. Со стороны странно слушать: думается: что тутъ и спрашивать? Разумъ человѣческій созданъ свободнымъ, принудить его сдѣлать какой-нибудь выводъ нельзя, онъ можетъ сдѣлать его только въ порядкѣ Богомъ вложенныхъ въ человѣка законовъ мышленія. Значитъ, и наука свободна, и спрашивать тутъ не о чемъ. Но совсѣмъ иное съ преподаваніемъ. Преподаваніе свободно только то, которое безплатно предлагаетъ себя желающимъ слушать и учиться. Разъ преподаватель беретъ вознагражденіе, онъ вступаетъ съ вознаграждающимъ въ договоръ, съ каковымъ онъ уже и связанъ не инымъ чѣмъ, какъ долгомъ собственной чести: онъ обязанъ дать то, чего отъ него ожидаютъ. Когда преподавателя пригласили преподавать

греческій языкъ, онъ не имѣетъ права преподавать латинскій, хотя бы лично и находилъ его полезнѣе или нужнѣе. Но если и всякій вознаграждаемый преподаватель нравственно связанъ договоромъ, то преподаватель духовнаго у насъ заведенія связанъ еще сильнѣе, — онъ связанъ еще исповѣданіемъ церкви и отвѣтственностью передъ церковію.

Но спрашивается: какъ быть, если взгляды преподавателя разойдутся съ взглядами пригласившихъ его, — въ нашемъ случаѣ съ исповѣданіемъ церкви или воззрѣніями ея представителей? — предполагается, что противорѣчіе оказалось уже потомъ: честный человѣкъ и не могъ бы принять каѳедры съ самаго начала, если бы зналъ о противорѣчіи.

Тутъ могутъ быть два случая. Или преподаватель сознаетъ дѣйствительную непримиримость своихъ воззрѣній съ исповѣданіемъ церковнымъ, — тогда онъ оставляетъ каѳедру. Или онъ считаетъ предполагаемое противорѣчіе простымъ недоразумѣніемъ, а возможно даже и неправомысліемъ со стороны представителей церкви или мѣстнаго духовнаго начальства, — тогда онъ по совѣсти еще можетъ, а иногда и долженъ продолжать преподаваніе, ожидая, что или истина восторжествуетъ и недоразумѣнія разсѣются или если этого не будетъ, онъ съ готовностью пострадаетъ за истину, въ смыслѣ ли лишенія мѣста, или другихъ какихъ непріятностей.

Однимъ словомъ преподаватель духовнаго въ церкви православной заведенія связанъ совѣстью въ своемъ преподаваніи: если онъ съ исповѣданіемъ церкви несогласенъ, онъ долженъ изъ церкви выйти, и если считаетъ нужнымъ излагать свои мысли, дѣлать это въ другомъ мѣстѣ уже отъ своего собственнаго лица или отъ лица какого-нибудь другого исповѣданія.

Но у насъ, слыша о нашихъ преподавателяхъ, приходится слышать не то. Когда у нихъ воззрѣнія расходятся съ воззрѣніемъ общецерковнымъ или съ воззрѣніями представителей церкви, они избираютъ иные пути дѣйствованія. Или они ведутъ въ замкнутыхъ стѣнахъ своей аудиторіи скрытую пропаганду своихъ воззрѣній, — пропаганду, а не проповѣданіе, потому что пропаганда именно и отличается характеромъ скрытности и коварства, между тѣмъ какъ

проповѣдь истины честна и пряма. Господь на вопросъ враговъ своихъ объ Его ученіи съ достоинствомъ отвѣчалъ: „Спросите слышавшихъ, Я говорилъ явно міру и тайно не говорилъ ничего“. (См. Іоан. 18, 20—21).

Но пропаганда встрѣчается, повидимому, рѣже; — наиболѣе же обычный пріемъ у насъ, какъ послышишь, это — таинственное умолчаніе, намеки, кивки въ сторону начальства, пожиманье плечами передъ слушателями: вотъ, дескать, сказалъ бы вамъ истину, да не даютъ. Который изъ этихъ способовъ „примиренія научной истины“ съ исповѣданіемъ церковнымъ болѣе нечестенъ, рѣшить трудно.

Къ этому, приходилось слышать, присоединяется еще пренебрежительное отношеніе къ своему предмету, обзываніе его разными насмѣшливыми прозвищами и т. п.

Не надо большихъ усилій, чтобы представить себѣ всѣ плоды такого отношенія. Это было не только практическое проповѣданіе протестантства, не только практическое проведеніе невѣрія въ нашу богословскую науку, подрываніе вѣры въ истину Христову, но даже практическое подрываніе и самой научной истины, во имя которой желали дѣйствовать. Дѣйствительно, этотъ образъ дѣйствія переносилъ для молодыхъ умовъ центръ тяжести отъ ихъ собственнаго мышленія куда то вовнѣ, въ запретную область, гдѣ готовая наука сидитъ на престолѣ, — стоитъ только пойти и узрѣть ее. Этимъ развивалось страшное раболѣпство мысли. Жалко было видѣть, какъ наши студенты-академисты подобострастно благоговѣли передъ университетскимъ мундиромъ, кроющимъ у насъ въ такомъ громадномъ большинствѣ гимназиста-троечника, долбящаго весной литографированныя лекціи и ничего болѣе. Они рвались въ университетскую свободу, какъ свободу научную, не догадываясь даже, что они этимъ попираютъ эту свободу въ самихъ себѣ.

Между тѣмъ этой сидящей на престолѣ науки нѣтъ нигдѣ; наука истинна только въ отвлеченномъ смыслѣ какъ идеалъ стремленія; на дѣлѣ же такой науки въ чистомъ видѣ нѣтъ нигдѣ, а есть накопленіе фактовъ и выводовъ изъ нихъ, которые дѣлаетъ тотъ или иной ученый, болѣе или менѣе правильно или неправильно. Человѣкъ, желающій двигать науку впередъ, долженъ непоколебимо вѣрить

въ чистый идеалъ ея и вмѣстѣ никогда не отлагать орудія анализа и скепсиса, которыми расчищаетъ путь отъ научныхъ предразсудковъ и фальшивыхъ аксіомъ знанія. Рабо.лѣпство въ области науки есть величайшій помрачитель истины: оно закрѣпляетъ научныя ошибки, образуетъ изъ нихъ научные предразсудки, а эти послѣдніе задерживаютъ развитіе знанія на сотни и сотни лѣтъ.

Наше общество вообще, въ вопросѣ умственнаго развитія, болѣетъ переоцѣнкой значенія внѣшняго образованія; плоды эти сказываются уже, не преминутъ сказаться и еще сильнѣе. Внѣшнее образованіе—великій духовный рычагъ,—кто же этого не понимаетъ! Но это рычагъ односторонній: взятое въ отдѣльности оно неспособно еще двигать истину, оно можетъ даже мѣшать ей, противодѣйствовать ей,—оно то именно и можетъ сдѣлаться проводникомъ научныхъ предразсудковъ, и даже орудіемъ для корыстной фальсификаціи истины. Внѣшнее образованіе должно соединяться съ духовно-нравственнымъ элементомъ въ образуемомъ; —иначе онъ истины не достигнетъ. Нравственнаго элемента требуетъ всякая наука, даже самая отвлеченная: всякая наука требуетъ труда, любви къ истинѣ, скромности мысли и честности ея, все это качества нравственныя, безъ нихъ нѣтъ и науки, какъ истины: остается развѣ только ремесленная сторона ея въ какихъ-нибудь механическихъ вычисленіяхъ и построеніяхъ; но даже и эта сторона можетъ оказаться необезпеченной. Чѣмъ же дальше идемъ мы въ область такъ называемыхъ гуманныхъ наукъ, т. е. наукъ, касающихся личности человѣка и ея жизни, тѣмъ потребность въ нравственномъ элементѣ возрастаетъ. Въ богословскихъ наукахъ потребность эта являетъ себя уже съ безусловною необходимостью. Для познанія откровенной истины Христовой необходима духовная жизнь во Христѣ, необходимо хотя бы наималѣйшее стараніе жить этой истиной, хотя бы только сознаніе необходимости этого.

А что было у насъ! Это разбитіе стеколъ, этотъ динамитъ могутъ ли они сочетаться съ христіанскимъ богословствованіемъ? Не только не могутъ сочетаться, а враждебны ему до непримиримости. А нечистая жизнь, невоздержность всякаго рода? За послѣднія десятилѣтія приходилось поражаться матеріалистическою косностью души въ встрѣчае-

мыхъ представителяхъ нашей академической студенческой среды, — не чувствовалось въ разговорѣ съ ними никакого слѣда духовной работы надъ собой, хотя бы въ какомъ-нибудь направленіи. Поразительно забыты были нами, забыты и до сихъ поръ слова Апостола о связи истиннаго умственнаго развитія съ нравственною жизнью человѣка: „Если въ вашемъ сердцѣ вы имѣете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бѣсовская. Но мудрость, сходящая свыше, во первыхъ чиста, потомъ мирна, скромна, послушлива, полна милосердія и добрыхъ плодовъ, безпристрастна, и нелицемѣрна (Іак. 3, 14—17).

Нелицемѣрна! А вотъ что пришлось слышать про преподавателей одного средне-учебнаго духовнаго заведенія: обязываемые начальствомъ ходить къ воскреснымъ службамъ, они за всенощной въ субботу собирались въ учительскую, какъ бы въ клубъ, разговаривали и бесѣдовали, заходя поочереди въ церковь, чтобы показаться начальству. Разсказывавшіе это въ моихъ глазахъ заслуживали довѣрія; во всякомъ же случаѣ по нашимъ нравамъ это вполнѣ правдоподобно. Скажутъ ли, что виновенъ формализмъ духовнаго начальства? Пусть; онъ и останется на ихъ совѣсти, и дѣло тутъ вовсе не въ хожденіи или нехожденіи къ службамъ: дѣло тутъ въ тѣхъ урокахъ лицемѣрія, преподавать которые руководители юношества считали себя вправѣ передъ своею совѣстію.

Преподаватели въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ суть важные и отвѣтственные органы церковной жизни: — какъ дѣлаютъ они, что этого не сознаютъ! Выше мы говорили, что въ силу этого духовное начальство ихъ, мѣстный епископъ должны смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ, какъ на дорогихъ сработниковъ своихъ на нивѣ церковной. Но въ силу этого же и они сами должны во имя Христа и Церкви Его признавать, — не научную, конечно, а церковную подвѣдомственность свою мѣстному архипастырю своему. И несомнѣнно, это признаніе устранило бы много отрицательныхъ явленій и дало бы самимъ преподавателямъ незыблемую опору для поддержанія своего достоинства и для смѣлаго проповѣданія истины, о которой они думаютъ, что стараются.

7.

Въ неправильномъ опредѣленіи болѣзни то именно и страшно, что оно можетъ повести къ неправильному леченію. Когда сдѣлано было опредѣленіе, что болѣзнь церкви нашей состоитъ въ преобладаніи свѣтской власти надъ духовенствомъ, что это началось съ учрежденія Петромъ I синода, то леченіе вытекало изъ этого опредѣленія само собой: надо раздѣлать, что было сдѣлано: уничтожить синодъ и возстановить предшествовавшее патріаршество. Этого нельзя сдѣлать безъ собора, значитъ, необходимо созвать соборъ. Логика проста до крайности.

Но что, если опредѣленіе болѣзни окажется невѣрнымъ, если болѣзнь эта есть упадокъ соборности, а не иное что, корень же ея — духъ практическаго папизма? пригодно ли тогда лекарство?

Мы говорили, въ какую духовную опасность поставляли у насъ нашихъ архіереевъ самыя историческія и географическія условія ихъ власти. Не увеличится ли эта опасность для патріарха еще во сто кратъ? Значеніе его и вліяніе его раскинется на десятки тысячъ верстъ, на всемъ этомъ пространствѣ онъ не будетъ знать себѣ старшаго, во всю жизнь не будетъ видѣть равныхъ. Вспомнимъ, что патріарховъ, въ римскомъ государствѣ было пять, у насъ же будетъ одинъ? (или мы добровольно раздробимъ нашу церковь?) — Вспомнимъ, что едва только старшій изъ патріарховъ древняго міра остался одинъ въ отдѣлившемся государствѣ, какъ духъ превозношенія овладѣлъ имъ окончательно, онъ сталъ папою и постепенно, однако и быстро задавилъ у себя всякую епископскую самостоятельность. Скажутъ ли, что этотъ урокъ исторіи останется вѣчнымъ остереженіемъ? Нѣтъ; зло хитро и коварно: оно, какъ оборотень въ сказкѣ, способно принимать неожиданно самые разнообразные виды.

Итакъ, осмотрѣвшись вокругъ, спросимъ себя, что пригоднѣе для обновленія и возстановленія среди насъ духа соборности,—патріархъ, или синодальный соборъ равночестныхъ епископовъ? Не говоритъ ли сравненіе само за себя?..

Въ вопросѣ о патріаршествѣ у насъ хотятъ опираться

на понятія каноничности и неканоничности. Но при употребленіи этихъ словъ опять выступаютъ два омрачающія наше воззрѣніе теченія — практическій нашъ папизмъ и практическое протестантство, и каждое тянетъ рѣшеніе въ свою сторону. Практическій папизмъ понимаетъ каноничность въ буквенно-формалистичномъ смыслѣ; логика его проста: на соборахъ были установлены патріархаты? — Да. Значитъ, это и должно быть формой церковнаго управленія въ большихъ автокефальныхъ церквахъ. Папистическое направленіе, не смѣя очень громко настаивать, вездѣ однако же, гдѣ можетъ, старается бросить тѣнь на каноничность нашего Синода.—Протестанствующіе наоборотъ: они коротко и ясно отвергаютъ значеніе соборныхъ правилъ, низводя ихъ въ область человѣческаго и потому нимало не обязательнаго.

Но вотъ что говоритъ по вопросу каноничности уже приведенный нами выше православный богословъ [1]. Сперва онъ выписками изъ самихъ же соборныхъ правилъ свидѣтельствуетъ, что вселенскіе соборы всѣ правила свои, и великія, и малыя, называли Божественными и неизмѣнными. „Какъ же однако“, спрашиваетъ онъ затѣмъ: „вѣрѣ нашей представлять себѣ эту Божественность правилъ и постановленій церковныхъ, даже и далеко не существенныхъ?“ и продолжаетъ: „Вотъ есть у насъ слово Божіе. Неужели къ его же составу относятся и церковныя постановленія и правила... Нѣтъ! Сама же Церковь строго различаетъ слово Божіе отъ всего прочаго, ставимаго ею же однако выше человѣческаго. Надобно выяснить себѣ это православно-церковное воззрѣніе, чтобы не признавать и человѣческаго тамъ, гдѣ Церковь видитъ „Божественное“ и не допускать какого-нибудь страннаго смѣшенія съ словомъ Божіимъ чего-нибудь, не принадлежащаго къ его составу. Основаніемъ для раскрытія здѣсь силы дѣла служитъ именно то, что Самъ Господь есть Глава, вседѣйствующій благодатію Св. Духа въ Своей святой Церкви, которая и сама съ своей стороны со всею преданностію вѣры, любви и упованія внимаетъ и слѣдуетъ Ему, живя для Него и Имъ Самимъ. Но

[1] А. М. Бухаревъ (Арх. Θеодоръ). См. Сборникъ О современныхъ духовныхъ потребностяхъ. М. 1865 г. Статья XV, Отзывъ на заграничныя письма о. прот. Васильева (стр. 565—571).

дѣйствія Господа въ Церкви многоразличны и многообразны. Иное — то дѣло Его, что Онъ въ Своемъ словѣ открывалъ въ Церкви сокровенная и тайная въ вѣчное для нея руководство... Вотъ слово Божіе! Иное же дѣло, когда тотъ же Господь нашъ и Самъ же... неотступно ведетъ Свою Церковь дальнѣйшимъ путемъ, вводя ее въ разныя потребности и обстоятельства временъ, давая вѣрѣ ея мыслью и жизнью входить въ Свою истину и благодать, раскрывая для нея и черезъ нее же Своею благодатію свѣтъ и силу Своего слова сообразно обстоятельствамъ и потребностямъ времени. Къ этой то чрезвычайно обширной области благодатныхъ дѣйствій и проявленій въ Церкви нашего Господа относятся и церковныя „правила и постановленія". И потому эти „правила и постановленія" по всей справедливости называются Божественными; и странно какую бы ни было ихъ сторону противополагать Божественному, какъ просто человѣческое... неизмѣненъ и въ великомъ, и въ маломъ въ Святой Церкви духъ того благодатнаго порядка, по которому „дѣла церковныя" по приводящему всѣхъ въ живое единство человѣколюбію и дѣйствію Христова главенства, должны соображаться съ „гражданскими и земскими распредѣленіями" и видоизмѣненіями [1]... Особенно, можетъ быть, церковная дисциплина у насъ и нуждается въ неотступномъ вниманіи нашемъ къ Самому Господу, дѣйствующему въ различныхъ ея порядкахъ, чтобы послѣдніе не были внѣшне-формальными, а раскрывали въ себѣ истинно жизненныя, благодатныя отношенія между частными церквами, между пастырями, между послѣдними и ихъ подчиненными и. т. д. ... Сохрани Богъ", заключаетъ онъ, „отъ того, чтобы дисциплину церковную низводить до области человѣческаго".

Что же слѣдуетъ изъ этого православно церковнаго воззрѣнія?—Во первыхъ, что каноны не отметаемы, что къ нимъ необходимо взирать для духовнаго руководства; а во вторыхъ, что это воззрѣніе должно совершаться въ духѣ, а не въ буквѣ. Надо усмотрѣть потребности церковныя и условія жизни церкви того времени, когда были установлены патріархаты, и примѣнить сдѣланное тогда къ потребностямъ и

---

[1] Ковычки, по свидѣтельству автора, означаютъ слова изъ 38 прав. шестого вселенск. собора.

условіямъ нашего времени, чтобы въ томъ же духѣ церковной дисциплины избрать и намъ нынѣ лучшее. Съ такой точки зрѣнія споръ о большей или меньшей каноничности синода или патріаршества является празднымъ: оба они могутъ быть равно каноничны,—вопросъ же только въ наилучшей для насъ въ данное время церковной цѣлесообразности того и другого. А здѣсь мнѣнія, и безъ измѣны православному ученію, могутъ раздѣляться, и надо только желать, чтобы духовное настроеніе будущихъ членовъ нашего помѣстнаго собора, одушевленіе ихъ духомъ братства и любви привлекло благодать Духа Святаго, и вопросъ рѣшенъ былъ въ духѣ вселенскихъ каноновъ, сообразно дѣйствительной потребности церкви нашей.

Механическое воспроизведеніе каноновъ, хотя бы его кто и желалъ, невозможно, потому что невозможно воспроизвести тѣ историческія и другія условія, которыя дѣйствовали во время учрежденія патріархатовъ. Такъ и вся то Римская имперія была меньше нашего государства протяженностью своею, патріархаты же ея были, пожалуй, меньше иной нашей губерніи или области. Затѣмъ патріархаты эти сложились по четыремъ этнографически-географическимъ группамъ, составлявшимъ имперію и такъ и не слившимся во едино -Рима, Греціи, Азіи и Египта. У насъ же православное населеніе все русское или обрусѣлое отъ Балтійскаго побережья и до Восточнаго океана. Какъ же сдѣлать у насъ? Назначить ли одного патріарха? по округъ его власти будетъ внѣ всякаго сравненія съ округами древнихъ патріархатствъ:—и это еще тѣмъ будетъ въ противность канонамъ, что тамъ въ государствѣ ихъ было пять, у насъ же будетъ одинъ. - Назначить ли нѣсколькихъ?-- Но на какомъ основаніи и зачѣмъ дробить и разлагать единосоставную русскую церковь? это будетъ въ противность канонамъ, потому что тамъ именно было сгруппировано во едино то, что было единымъ по своимъ историческимъ условіямъ. Такъ съ буквеннымъ отношеніемъ намъ не выйдти изъ противорѣчій, не остаться вѣрными канонамъ.

Иное дѣло, если обратиться къ ихъ духу. Для чего были установлены патріархатства? Это было завершеніе въ церкви того времени порядка во всемъ кругообращеніи ея жизни,--порядка аппеляціи, порядка созванія соборовъ,--

цѣль была, чтобы это кругообращеніе ничѣмъ не задерживалось, ничѣмъ не нарушалось; вѣдь ясно, что для самаго созванія соборовъ нужны мѣста, времена, сроки, нужно правильно обезпечить починъ въ общецерковныхъ дѣлахъ, нужно, чтобы имѣющіе вопросы знали кого спрашивать, желающіе собора знали, куда обратиться, — такъ какъ вѣдь только строгимъ каноническимъ порядкомъ обезпечивается и самая правильность и самая иногда возможность собора. Вотъ духъ, проникающій каноны, къ нему должно быть наше воззрѣніе и тогда онъ воздѣйствуетъ благотворно и у насъ.

Каковы же наши условія и потребности въ настоящее время?—У насъ упадокъ церковной жизни, сказали мы, отъ упадка соборности; потребность наша поднять и обновить соборность. Достигнется ли это учрежденіемъ патріаршества?—Мы уже отмѣтили вообще, что наши условія жизни возбуждаютъ страхъ худшей опасности. Вспомнимъ къ этому еще, какъ мы учили въ учебникахъ нашихъ, что патріархъ и въ чинѣ богослуженія превознесенъ надъ равночестными ему епископами: онъ одинъ стоитъ лицомъ къ алтарю, сослужащіе епископы стоятъ по бокамъ, какъ теперь іереи въ сослуженіи съ епископомъ. Скажутъ ли, что это такъ маловажно? Это маловажно, пока это вопросъ простого удобства стоянія; но это уже не маловажно, когда соединяется съ каноническими преимуществами. Психологически невозможно, чтобы тутъ разница во внѣшнемъ положеніи не отражалась на самочувствіи, какъ одного, такъ и другихъ. Отъ величественнаго зрѣлища сослужащихъ рядомъ епископовъ еще вѣяло у насъ столь пренебреженнымъ нами духомъ соборности.

Вообще надо содержать въ виду, что блескъ, почетъ и вліяніе, которые имѣлъ бы теперь всероссійскій патріархъ, не нашли бы себѣ ничего подобнаго ни въ древнихъ патріархатахъ, ни въ современныхъ, - одинъ римскій папа превосходилъ бы его въ этомъ отношеніи. Это ли не опасность?

Скажутъ ли, что патріархъ будетъ обставленъ синодомъ епископовъ? что будетъ собирать соборы?- Но при громадной разницѣ положенія, что будетъ порукой, что синодъ не станетъ послушнымъ орудіемъ воззрѣній и стремленій патріарха и самый соборъ не обратится въ формальность?

вѣдь невозможны же частые всероссійскіе соборы по громадности разстоянія, а письменные или телеграфные опросы могутъ быть сформулированы по желанію. Вспомнимъ нашу судебную практику и жалобы на формулировку вопросовъ присяжнымъ со стороны предсѣдателя суда.—Въ Римѣ, разъ только утвердилось единовластительство, и самое слово „соборъ было изгнано". Въ позднѣйшія же времена, при объявленіи новыхъ догматовъ, само приличіе, правда, потребовало отъ латынянъ хотя бы декораціи соборной, — и декорація эта была дѣйствительно устроена со всею пышностью [1]. Но какая была изъ этого польза? —А опросы епископовъ показали себя тамъ при утвержденіи догмата о непорочномъ зачатіи: опрошено было свыше пятисотъ католическихъ епископовъ, и только 18 попытались попротиворѣчить,—отвѣты же остальныхъ 490 стоитъ прочесть,—такъ страшно они безличны, такъ непривычно для православнаго уха раболѣпны въ устахъ епископовъ [2]. Папизмъ убилъ тамъ епископство. Мы не паписты-латиняне, конечно! но мы люди, и психологическія условія у насъ общи со всѣми людьми. — Приходилось слышать отъ лицъ, знающихъ русскую церковную исторію, что даже за краткій періодъ существованія у насъ патріаршества, епископы уже жаловались на давленіе и самовластіе патріарха.

Страшно и по вопросу объ апелляціи, кому апеллировать на патріарха? собору всероссійскому? — но кто будетъ его собирать?—Патріаршему синоду?—но если онъ обратится въ орудіе его же патріарха воли, воззрѣній, настроенія? Именно при нашемъ упадкѣ духа соборности это и возможно. — Да и вообще: кто въ патріаршемъ синодѣ будетъ въ состояніи предложить патріарху пересѣсть съ мѣста предсѣдателя на мѣсто отвѣтчика? -- Пугаютъ всѣ такія и подобныя сомнѣнія.

Наконецъ по взаимоотношенію церкви и государства у насъ теперь. Теперь, когда государство у насъ отдѣляютъ отъ церкви, патріарху, стоящему во главѣ громадной общественной силы, будетъ большое искушеніе впасть въ клерикализмъ, т. е. въ желаніе проявлять себя политической

---

[1] См. Пр. А. Лебедева. О главенствѣ Папы, 2 изд. стр. 215–216.

[2] См. Его же. О непорочномъ зачатіи, 2 изд. 62—63.

силой. И по человѣчески это вполнѣ извинительно, потому что и онъ вѣдь гражданинъ и сынъ родной земли. Но духъ церковный будетъ страдать отъ смѣшенія принциповъ, отъ подчиненія высшаго духовнаго низшему и служебному, хотя тоже въ своей области вполнѣ законному. Церковь должна являться въ государствѣ силою, но силою духовною, черезъ внутреннее нравственное сознаніе людей,—она должна быть святилищемъ народа и его государства, душою ихъ, идеальнымъ кормчимъ, — иначе обществу грозитъ постепенное ниспаденіе въ языческій матеріализмъ бездушнаго государственнаго механизма. Но церковь должна выступать только духовно, какъ голосъ совѣсти, какъ неподкупная свидѣтельница нравственной правды не только для чадъ своихъ, но и для постороннихъ. Церковь не вмѣшивается въ политическія разбирательства, она выше всякихъ политическихъ партій. Какъ граждане и сыны отечества мы всѣ, и духовные, и міряне имѣемъ, конечно, каждый, и должны имѣть свои политическія воззрѣнія, свои сочувствія и идеалы, но мы не можемъ дѣлать ихъ церковно-обязательными. Церковь вліяетъ на государственную жизнь и вліять должна, но чистымъ нравственнымъ руководствомъ. Такъ она неизмѣнно учитъ вѣрности присягѣ, уваженію къ закону и власти, вѣрности и честности гражданской вообще; она становится поперекъ революціонному теченію, она имѣетъ нравственное сужденіе о забастовкахъ, бойкоттѣ и т. п. революціонныхъ орудіяхъ, она осуждаетъ неправду и насиліе безъ различія въ пользу такого ли или иного режима революціонное насиліе употребляется; она не можетъ исповѣдовать принципа, что цѣль оправдываетъ средства, что зломъ можно достигать добра. Но она же въ честной войнѣ благословляетъ христіанскихъ воиновъ на тяжелый, иногда мученическій подвигъ ихъ военныхъ трудовъ и опасностей во имя законнаго отпора насилію зла. Чрезъ все это церковь является солью міра, оздоровляющею его нравственно, предъотвращающею въ немъ гніеніе. „Но если соль обуяетъ“, спросилъ Самъ Господь: „чѣмъ она осолится?“ (Мѳ. 5, 13).—Въ исторіи патріарха Никона, думается, можно видѣть зачатки клерикализма,—причиною послѣдняго, при всѣхъ прочихъ достоинствахъ патріарха, былъ его властный характеръ въ связи съ исключительнымъ положеніемъ.—Не

тотъ ли же духъ ощутилъ и Петръ I, почему у него и явилось желаніе устранить патріаршество?

Но есть опасность и совершенно обратная. Это возможность легче парализовать вліяніе церкви въ государствѣ при единоличномъ ея представительствѣ. Не потому ли и Петру I такъ легко было вмѣшаться въ церковныя дѣла, что патріаршее управленіе уже подавило епископскую самостоятельность? Мы видимъ на Западѣ примѣръ, какъ отрекшееся отъ христіанскихъ началъ государство становится понемногу въ отрицательныя и враждебныя отношенія къ христіанству. Это можетъ угрожать и намъ. Въ виду такой опасности что̀, спросимъ себя, будетъ духовно прочнѣе—единоличное ли представительство, которое можно смѣстить, или что еще хуже, на которое можно производить давленіе, — или представительство соборное, имѣющее корни во всей церкви? Кто наконецъ скорѣе можетъ измѣнить православію и духу его —одно лицо или синодальный соборъ многихъ?

Вообще встаетъ вопросъ: не бросаемъ ли мы готоваго у насъ въ рукахъ залога соборности, которую нужно только лучше обставить, — для того, чтобы натянуть на себя одежду, кроенную не по нашему росту и не по нашему сложенію?

Но конечно, есть же условія, вызывающія желаніе патріаршества. Вѣдь не одно же тутъ желаніе формалистичной каноничности.

Конечно, условія эти есть. Такъ у насъ живо ощущается потребность большаго объединенія церковной епархіальной жизни, усиленіе въ чьемъ нибудь лицѣ почина къ возбужденію общецерковныхъ вопросовъ и дѣлъ. Сверхъ того есть, пожалуй еще потребность, такъ сказать, нравственнаго характера: это потребность олицетворенія единства церкви русской въ одномъ имени, — слово синодъ многими мало сознавалось въ значеніи своемъ, мало потому возбуждало въ душѣ чувства любви, почтѐнія, преданности. Особенно теперь, когда мы переживаемъ Смутное время, вспоминается имя патріарха Гермогена.

Но можно же надѣяться, что предстоятели и дѣятели Церкви Русской съумѣютъ найти средства удовлетворить этимъ церковнымъ нуждамъ, избѣжавъ вмѣстѣ съ тѣмъ великихъ опасностей, которыя представляются необходимо

сопряженными у насъ съ тѣмъ или инымъ учрежденіемъ патріаршества [1].—Есть молва о разныхъ планахъ по обновленію церковному, планахъ, возбуждающихъ полное сочувствіе, — объ объединеніи епархій въ округа, о всякаго рода церковныхъ съѣздахъ. Готовится и соборъ. Дай Богъ, чтобы на немъ архипастыри наши, къ которымъ мы взираемъ съ любовію и довѣріемъ, дай Богъ, чтобы они сошлись въ духѣ взаимной любви, въ духѣ смиреннаго воззрѣнія къ единому истинному Архіерею Церкви, и явились через то орудіями Духа Святаго, созидающаго премудро Церковь Свою. Они, вѣроятно, предварятъ собранія свои духовными подвигами поста и молитвы,—можетъ, и намъ, всѣмъ прочимъ чадамъ церкви, будетъ предложено какое-нибудь малое посильное общественное участіе въ этихъ подвигахъ вѣры и любви, чтобы обновился въ насъ повсемѣстно духъ истинной православной соборности.

Е. А. А.

[1] Возможно напримѣръ, думается, обще-церковное поминовеніе первенствующаго члена или предсѣдателя Синода.

